ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 101:316.3

С.Н. ЯРЕМЕНКО

ИЛЛЮЗИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Анализируется процесс идентификации как выбор личностью своих смысложизненных проектов. Смыслы и стили жизни представлены в качестве ключевых идентификационных характеристик личности. Основное внимание уделено ловушкам идентификации, ставшим особенно актуальными в обществе риска. В статье исследуются такие смысложизненные сценарии, как опыт пребывания в компьютерной реальности, состояние алкогольного опьянения, практика террориста-смертника.
Ключевые слова: *идентичность, смысл жизни, стиль жизни, компьютерная зависимость, алкогольный мираж, терроризм.*

Введение. Поиск своего «Я» стал сегодня острейшей гуманитарной проблемой. В современном обществе идентичность становится многомерной и подвижной. В этом состоит основная трудность идентификации и острота данной проблемы. Не только объективные показатели, такие как возраст, пол, этническая и социальная принадлежность, являются показателями идентичности человека. Но даже и эти показатели можно изменить сегодня, как например, с помощью операции меняют половую принадлежность, свой рост, лицо и фигуру. Поэтому можно предположить, что поэт Н. Гумилев сегодня не смог бы написать: «Мы меняем души, не тела». Сегодня мы способны изменить и душу, и тело.

Идентичность останется лабиринтом, если человек не будет стремиться к осмыслению своей жизни, своих целей, ценностей и того, какие стили жизни он выбирает. Смыслы и стили жизни, выступающие в роли ценностных ориентиров, формируют определенность личности, ее социальное качество и направленность, поэтому они являются наиболее значимыми маркерами индивидуальной идентичности.

Жизненные смыслы и стили жизни – это наиболее важные императивы идентичности. Если раньше идентичность была обусловлена принадлежностью к группе и ее культуре, то современного человека невозможно отнести не только к двум, но и к большему числу групп. Его мобильность стала чрезвычайно высокой, и от нее зависит успех, благополучие самого индивида и его семьи. Он меняет профессии, специальности, специализации, место жительства, своих коллег, друзей, культуру и т.д.

В глобализирующемся мире способность к мобильности становится ключевой цивилизационной характеристикой личности. Преодоление пространства и времени с помощью техники способствует транснационализации биографии и места жительства. Когда человек живет в одной стране часть года, а в другой – другую его часть, то ему трудно ответить на вопрос, где его родина. Сегодня у богатых людей появилась уникальная возможность проживать свою сознательную жизнь в любимом времени года (например, в весне), меняя одну страну за другой, где наступает это благословенное время.

Смысл жизни выражается прежде всего в определенном типе поведения людей. Он актуализирует и высвечивает субъективную, ментальную сторону человеческой деятельности. Выбор жизненного стиля становится критической экзистенциальной необходимостью. И поскольку общество все более и более дифференцируется, то и множатся субкультуры, а значит, и жизненные стили. У человека – огромный диапазон выбора. Но драма состоит в том, что индивид не является родоначальником выбранной модели стиля жизни. Эта модель, которых – тысячи, сооружена СМИ, харизматическими фигурами, рекламодателями, политиками, звездами шоу-бизнеса. Эта модель продается, а мы являемся ее покупателями. Мы выбираем и покупает предлагаемые на выбор мнения, выражения, жесты, одежду, друзей, интерьер, место проживания, лексику и т.п. Известны распродажи множества моделей жизненного стиля.

Эпоха индивидуализма, в адрес которой высказано так много критических суждений, по-видимому, приходит к завершению. Сегодня общественная мысль констатирует приход «трудноклассифицируемого типа», которого можно определить хайдеггеровским термином «Das Man», остроумно переведенного исследователем Д. Орловым как «людье» [1, с.283]. В связи с победой массы над индивидуальностью обесценивается ее личностный статус, а бытие растворяется в бытии макросообщества. Подавление уникальных начал личности, ее ментальных установок приводит к нивелированию собственных смыслов.

Согласие человека с моделью жизненного стиля, которую вырабатывает та или иная субкультура, дает ему уверенность, освобождает от одиночества и упорядочивает его жизненные практики, даже если человек не вполне согласен с установками данной субкультуры. Влияние субкультур на людей огромно, что обусловлено универсальным безумным желанием человека принадлежать к какой – либо субкультуре. Такая естественная потребность усиливается сегодня еще тем, что технологически развитые общества настолько велики, сложны и недоступны пониманию человека, что только «воткнувшись» (Э. Тоффлер) в одну или несколько субкультур, можно осуществить определенную самоидентификацию.

Понятие мобильности теперь относится не столько к статусным позициям индивида, сколько к моделям жизненных стилей. Бешеная конкуренция стилей жизни учит людей расставаться легко с любой моделью жизненного стиля. Тем самым увеличивается пропускная эмоциональная способность и лабильность. Но в то же время человек стремится ни к чему сильно не привязываться. Поверхностное усвоение избираемых моделей стиля жизни и смыслов избавляет от стрессов, а спонтанность и отсутствие привычки планировать будущее учит жить современного человека в обществе риска только настоящим и делать то, что ты хочешь сейчас.

Появившееся многообразие новых стилей жизни в действительности часто оказывается иллюзией. Хотя у человека много возможностей, но этому множеству шансов соответствует не меньшее количество возможностей потерпеть фиаско, о которых пишет в книге «Общество индивидов» Н.Элиас [2, с. 181-185]. Исследователь рисует весьма пессимистическую перспективу. Он говорит «о свалке непрожитых жизней», возникающей в высокодифференцированном обществе. Жизненный путь индивида в нем чрезвычайно разветвлен, хотя степень этой разветвленности зависит от социальной принадлежности. Природа такого общества требует от отдельно-

го индивида высокой специализации, ведущей к тому, что на обочине как раз остается множество неиспользованных альтернатив, непрожитых жизней, несыгранных ролей, не состоявшихся переживаний.

Задача данной статьи – показать взаимодействие названных факторов, создающих человеческую индивидуальность. Взаимодействие смыслов и стилей существует как экзистенциальный опыт проживания и переживания имеющихся у человека выборов, которые необходимо совершить самому, чтобы обрести идентичность. Идентичность не есть свойство, данное индивиду от рождения. Тождественность себе, своей целостности он приобретает сам, живя среди других и взаимодействуя с ними. Идентичность отражается в смыслах и стилях жизни, которые выбирает индивид, и он не должен ждать, что жизненный смысл возникнет сам собою. Наоборот, жизнь заставит его сделать выбор.

Здесь будет идти речь о ловушках идентичности, иными словами, о неплодотворном опыте идентификации. К такому опыту относятся практики, которыми все в большей степени овладевает современный человек, куда он погружает свою энергию без всякого остатка. Это опыт пограничных, деструктивных ситуаций, способных засасывать человека, словно в воронку из которой крайне сложно выбраться.

К ним можно отнести все расширяющийся в обществе глобального риска длительный опыт пребывания в виртуальной реальности, состояние алкогольного опьянения, терроризм, занятия псевдомистицизмом и т.п.

Невозможно в одной работе представить весь этот огромный массив маргинального поведения, находящегося в очень сложных отношениях с реальным миром, стремящегося к преодолению его границ, к попытке порвать связь с горизонтом человеческого существования. Источник антропологических стратегий бытия, находящихся на его границе, присутствует в здешнем, онтологическом мире, а именно – в области энергии бессознательного. Эти стратегии, питаемые энергиями бессознательного, охватывают подавляющую часть антропологических девиаций.

Такой феномен, *как зависимость от виртуальной реальности*, имеет прямое отношение к поиску индивидом своей идентичности. В данном контексте мы имеем в виду человека, который не может отделить себя от экрана компьютера и готов погружаться в виртуальную среду. Символичность виртуальных систем и особенно компьютерного экрана позволяют им выполнять компенсаторную функцию, защищать человека от огромного, часто непонятного мира с его катастрофами и потрясениями, особенно часто происходящими в российском обществе. Компьютерный мир дает возможность упорядочивать социальную реальность, моделировать ее на экране, благодаря чему индивид может чувствовать себя творцом и идентифицировать себя как самостоятельную личность. Погружаясь в эту квазиреальность, человек увлеченно живет в ней и не всегда осознает ее условность и возможность выхода из виртуальных границ.

Проблема, возникающая из подобной жизненной практики и соответствующего ей стиля жизни, есть проблема степени соответствия действительности и компьютерного симулякра. Важно не признание самой виртуальности (ставшей уже фактом), а ее гомологичность действительности.

Что ищет такая личность в компьютерном пространстве? Виртуальная реальность есть опыт новой эпохи, обнаружившей способность к из-

менчивости без предела, лабильность, интуитивность и иррационализм самой человеческой природы. Находясь в компьютерном пространстве, его обитатель, однако, полагает, что прорастающая из его сознания виртуальная реальность существует независимо от психики человека, обладает полной автономностью.

Человек-виртуал воспринимает и переживает события не как порождение своего собственного ума, а как живую объективную реальность. Все предметы виртуальной реальности видятся более ярко, чем предметы константной реальности. «Это восприятие сродни вдруг открывшейся красоте обыкновенного цветка или камня, или заката солнца…, а потому виртуальные реальности являются более привлекательными» [3, с.243]. Виртуальный образ обладает собственной активностью и может оказывать регулирующее воздействие на поведение человека и даже вызывать физиологические ощущения.

Активный пользователь интернета ощущает его как пространство без границ. В этом виртуальном мире все возможно: начать все сначала или создать будущее. Личность воспринимает себя создателем мира, имеющего статус онтологического. Многие из этих людей теряют способность к различению реальных артефактов и виртуальных, компьютерных и подлинных. Такое фантастическое слияние двух миров характерно для сознания детей и подростков.

Происходящая трансформация сознания и поведения обостряет вопрос об устойчивости и постоянстве личности. С тех пор, как человек, стоя на котурнах в древнегреческом театре, надел маску для исполнения роли, количество масок (социальных ролей) настолько возросло, что привело к закономерной проблеме: остается ли «ядро», стержень личности, проявляющей необычайную изменчивость, способность к самомониторингу, переоценке ситуации? Можно ли считать современную личность индивидуальностью, сохраняющей свою направленность? Или ее правильнее сравнить, конечно, образно, с луковицей, в которой, снимая слой за слоем, так и не встретишь стержня (как, например, у капустной кочерыжки)? Утрачивает ли личность свое постоянство или же сама ее изменчивость возможна лишь при сохранении определенного стержня, наличие которого уберегает личность от ее распада, полной деградации?

Итак, у человека-виртуала создается уверенность в своих уникальных возможностях по переустройству пространства-времени и судеб его обитателей. Он становится экспериментатором, игроком и вершителем захватывающих поворотов событий, импровизатором. Границы компьютерного моделирования постоянно расширяются, а новые способы управления изображением способствуют восприятию собственного «Я» в качестве демиурга. Непрерывная трансформация героев, а главное, конструирование желаемой виртуальной самости: придание своему телу по собственному выбору пола, возраста, этнических и расовых признаков, профессии и т.п. превращает жизнь в игру.

Человек в виртуальном мире попадает в полную зависимость от владельцев и разработчиков информационных технологий, позволяющих формировать необходимый тип сознания не в рамках научно-исследовательской лаборатории, а в планетарных масштабах.

Сома человека тоже выступает предметом психофизиологической обработки киберсредств. Появившиеся киберпространственные приспособ-

ления способны играть роль новой кожи, нового искусственного раздражителя сенсорной системы. Эти приспособления создают иллюзию психофизического участия в виртуальных событиях. Аудио-видеотактильные шлемы, стереоочки, сенсоры для эрогенных зон используются в Интернет-сексе, в киберсексе, причем происходящее заставляет человека переживать реальные ощущения, получаемые во время подлинного полового акта и «даже делают их на порядок выше по своей интенсивности и яркости» [4, с.10].

Утрата интереса к внешнему миру, с нашей точки зрения, имеет под собой не одну причину. Во-первых, реальная, повседневная жизнь должна быть и в самом деле слишком рутинной, бесперспективной и, возможно, убогой. Во-вторых, она возникает у особого типа личности, с невыраженными волевыми качествами в деятельности. Лень, безынициативность, нежелание, страх менять надоевший, но такой привычный образ жизни: жилье, работу, профессию, сам стиль жизни, характерны для такой личности. Выбор в пользу компьютерной жизнедеятельности, хотя и связан с преодолением трудностей – все же представляется более легким и, главное, гарантированным способом получения ряда психологических выигрышей. Психологический выигрыш для самоутверждения нередко гораздо важнее, чем выигрыш материальный, ибо личность, позиционируя себя среди тех, кому не под силу овладение компьютерными технологиями, считает свое место в социальной иерархии более значимым. Главный же выигрыш создает возможность ощущать себя творцом нового мира.

У человека, как никогда ранее, возрос доступ к большому количеству информации. Но этот колоссальный объем не помогает человеку стать интеллектуальнее. Скорость и количество передаваемой информации снимает вопрос о критериях ее достоверности. Человек уже не несет ответственности за передаваемое сообщение. Никто не контролирует степень его компетентности, соответствие высказываемых суждений моральных принципам. У субъекта возникает чувство игровой легкости, растет соблазн и возможность в любой момент соскользнуть в несерьезность и иронию.

Виртуал стремится к инструментальному познанию мира, конкретного эпизода, определенной ситуации. Интерес к более фундаментальным вопросам бытия – к происхождению мироздания, сознания, языка, глобализации и т.д., – как правило, отсутствует. Живущий в компьютерной реальности чаще всего не имеет исторического самосознания. Нелинейность общественных процессов, происходящие разрывы с логикой предшествующего развития редуцируются к монтажу случайно выхваченных эпизодов. Способность видеть, слышать, осязать, т.е. разнообразие чувств вытесняет рациональные способности на обочину культуры. Студент вуза, например, все реже использует слово «потому что» в своих ответах. Связность исчезает, доминирует интернетовская поверхностная беглость. Чувственное переживание становится доминирующим и довлеющим над рациональным познанием.

Дефицит социального опыта для компьютерного человека становится одной из его личностных черт. Социальный опыт в компьютерном режиме переодевается в конструированную схему, упрощающую противоречивость и непредсказуемость динамики социальной реальности. Этот дефицит проявляется у индивида в снижении коммуникабельности, замкнутости, неумении решать конфликты, идти на компромиссы. Социальная дезадап-

тивность – следствие длительного пребывания в компьютерных миражах, где все проблемы решаются с помощью известных алгоритмов, содержащихся в программе. Обучающие программы при всей их полезности не могут заменить реальную жизнь, собственный опыт проживания этой реальности, живое общение.

Что же происходит с идентичностью личности в виртуальной реальности? На этот вопрос можно ответить: если так легко репрезентировать себя как угодно, отождествлять свое «эго» с кем угодно, легко и просто перемещаться в пространстве наподобие знака, то вопрос о том, «кто я есть», становится лишним.

Для нас остается важным неисследованный вопрос, каким образом знаки (слова, образы) второй сигнальной системы смогли заменить сигналы первой сигнальной системы? Известно, что сколько ни рассказывай слепому человеку о том, как выглядит море, он все равно не поймет тебя. Точно также невозможно объяснить человеку со здоровыми зубами, что такое зубная боль или, например, как выглядит красный цвет. Вторая сигнальная система может заместить, но не заменить ощущения, возникающие под влиянием реальных вещей, воздействующих на органы чувств. Может ли созданная на мониторе иллюзия конкурировать с живой природой? Произошедший разрыв означающего с означаемым в сознании человека на рубеже веков не дает ответа на вопрос, как это стало возможным?

Избыточность информационных ресурсов выступает одной из причин зыбкости процесса личностной идентификации. Амбивалентность компьютерной реальности способствует расширению опыта индивида, компенсирует монотонность повседневности. Но она же отучает жить в физическом реальном мире.

Алкогольный мираж многим людям служит способом, с помощью которого он может легко идентифицировать себя с кем пожелает. В России по официальным данным насчитывается 2,5 млн. алкоголиков.

Алкоголизм анализируется как один из видов девиантного поведения, а также как болезнь в медицине. Философский анализ зависимости от алкогольного опьянения пока не стал достаточно актуальным предметом исследования в парадигме этого знания.

Какой смысл скрывается в опыте, не понятном для трезвенников, управляющий поведением алкогользависимого человека и привязывающий его к себе практически навсегда? Как известно, возвращение к алкогольному сценарию возможно всегда, даже по истечении 10-20 лет ремиссии при употреблении для некоторых людей всего лишь доли грамма алкоголя. С точки зрения известного исследователя проблем виртуальной психологии Н.А. Носова, алкоголизм не является физиологическим заболеванием [3, с.239]. Его позиция заключается в том, чтобы развести традиционный подход к алкоголизму с точки зрения трезвого человека и с виртуальной точки зрения. Без такого разведения невозможно понять поведение алкогользависимого человека. Необходимо признать алкогольное опьянение, в котором пребывает человек, как самостоятельный тип реальности, чтобы ее оценить.

Речь, конечно, не идет о признании алкоголизма социальной нормой. Если обычный человек, употребив спиртной напиток, понимает возникающие алкогольные образы как порождение собственного сознания, то

алкогользависимый человек воспринимает их как достоверные, автономные от константной реальности.

Алкогольная виртуальная реальность дает ощущение полноты жизни, поскольку человек считает, что его переживания отражают всю ее в целом. Под полнотой жизни понимается жизнь, не обремененная заботой об окружающих, неустроенностью быта, недостатком заработка, неинтересной работой и т.п. Иными словами, алкогольное опьянение вытесняет чувство неполноценности, ущемленности, а сам виртуальный образ начинает проявлять собственную активность: разворачивается в виртуальную ситуацию и способен вызывать физиологические ощущения.

И хотя по содержанию неалкогольный мир богаче алкогольного виртуального мира, но алкогольная сфера для алкогользависимого человека по субъективной значимости важнее и привлекательнее, чем реальный, а по качеству жизни привлекательней, чем не алкогольная. Кроме того, алкогольная не вызывает привыкания к ней, не пресыщает человека.

Алкогользависимый индивид может бесконечно «прокатывать» ее в своем сознании, каждый раз получая новые переживания. Почему нереальные бесконечно воспроизводимые в сознании события не утомляют человека, не вызывают адаптацию? Ответ, который можно эксплицировать из дискурса алкогольной психической реальности, заключается в нерефлексируемости сознанием переживаемой виртуальной реальности.

Прием алкоголя служит способом повышения самооценки личности, поэтому алкоголь становится самым главным в жизни человека, а влечение к нему – непреодолимым. Поведение человека зависит от потребительских свойств вещи – алкогольного напитка, без которого самодостаточность человека равна нулю.

Происшедшее превращение усугубляет положение человека в обществе, оно становится все более уничижительным в силу неизбежного разрушительного влияния алкоголя на психику и поведение человека, подводя его к границе качественной определенности личности, за которой она уже не имеет право таковою считаться.

Таким образом, алкогольный виртуальный мир превращается в самый главный, а неалкогольный становится второстепенным, нереальным, тяжелым, не обжитым, чужим миром. Алкоголик находит переживаемый мираж несравненно комфортнее и насыщеннее. Почему? Алкогольная реальность дает чувство уверенности, превосходства, создает иллюзию легкости в принятии трудных решений. В состоянии опьянения можно возвращаться к одному и тому же событию сколь угодно раз, вновь и вновь переживая его, удовлетворяя тем самым свои комплексы и несбывшиеся мечты. Поэтому только в этом мире алкогользависимый человек ощущает свою «нормальность», незаурядность, силу и бесстрашие.

У Джека Лондона в произведении «Джон – Ячменное зерно» представлена исповедь алкоголика, рассказывающего, как во время опьянения он превращается из застенчивого, скромного Джона в новоявленного двойника-морского волка, настоящего мужчину, в искателя приключений, совершающего великолепные, отчаянные, неистовые морские подвиги.

Так что реальный мир, подлинная действительность воспринимается как аномалия, временная задержка, существующая только для того, чтобы найти, добыть, украсть средства для приобретения алкоголя.

Итак, подлинная жизнь – это тяжелое условие, которое необходимо как можно скорее преодолеть, чтобы перейти в другую реальность. Жизнь предстает как испытание, чтобы оказаться в другом мире, где можно все изменить, получить признание, наказать виновных, добиться успеха.

Чаще других алкогольный сценарий захватывает в свою орбиту людей творческих. Художники, поэты, актеры, певцы, писатели опережают в бегстве от тяжелого мира ученых, бизнесменов, чиновников. У всех у них есть на это конкретные социокультурные причины, спровоцировавшие обращение к запоям. Обстоятельства бытия, как правило, вызывали неудовлетворенность в известности, признании, в условиях для творчества. И все же невозможно, признавая значимость наличных условий бытия, не обратить внимание на особенную ментальность этих людей, их душевный склад, который формировал, с одной стороны, требования к себе, а с другой – к окружающим, к самой жизни.

Знаменитый современный актер О. Меньшиков в одном из интервью сказал, что для творческих людей важнейшим условием их удавшейся судьбы является любовь зрителей, признание и почитание их таланта. Однако это требование к жизни не всегда реализуется. Так, О. Даль, безмерно любивший творчество М. Лермонтова, никак не мог получить разрешение на постановку спектакля о поэте и перед смертью ему вновь пришел очередной отказ от чиновников. Высоцкий не заслужил официального признания и исполнял свои стихи и песни чаще всего в приватных залах, поэтому был не удовлетворен отношением к своему творчеству официального литературного истеблишмента. Не всем удается работать и творить, чтобы результаты своего творчества прятать долгие годы в столе, как это делал М. Булгаков. И тогда приходит на помощь правота «пьяного чудовища».

В этой части наших рассуждений о ловушках аутентичности особое место занимает *жизненная практика террориста-смертника*, которая являет собой пропасть похороненных судеб и несбывшихся надежд. Феномен терроризма за последние десятилетия приобрел статус международного. Но его анализ ведется, как правило, с позиций политологии, юриспруденции, публицистики.

Философский подход, развернутый в рамках традиций экзистенциализма, позволяет вскрыть его более глубокие императивы, так как дает возможность вычленить в этом феномене личностный аспект социального бытия, его субъектность. Вымывание массовой культурой аутентичности, подавление воли к самореализации порождают проблему выбора без опоры на традиционные ценности, на санкционированные обществом средства для достижения собственных целей. Именно это разрушение традиционной почвы, служащей индивиду или группе ориентиром в процессе идентификации, делает саморефлексию на тему правильности жизненного выбора лишней. Такой вывод, на наш взгляд, является принципиально важным в дискурсе жизненного пути террориста.

Борьба человека за достижение высокой самооценки в обществе, оказывающем беспрецедентное давление на личность с помощью СМИ, нередко оказывается безуспешной, поскольку состоятельность и значимость индивида рассматривается в этом обществе не иначе как в рамках доктрины успеха, богатства, славы, престижа. В дифференцированном обществе слабая интегрированность его индивидов поощряет деятельность, в кото-

рой важны не средства, а цели. Поэтому для человека, не сумевшего найти свой путь в многообразии жизни, принятие даже самой страшной идеи - идеи смерти, возмездия за свою несостоятельность, воспринимается им как достижение самоактуализации, не сравнимой с успехом обывателей. Такая аутентичность, с его точки зрения, тождественна подвигам великих пророков.

Особое отношение к смерти начинает выступать для массы не состоявшихся, чувствующих свою ущербность людей, важнейшим фактором соединения с такой же группой людей. Смерть террориста не считается самоубийством и в молодом возрасте вообще не воспринимается как конечный, необратимый экзистенциал. Даже обычные самоубийцы с атеистической установкой в ряде случаев надеются на то, что они увидят жизнь после смерти.

Хотя поступки и действия террористов представляют собой деструктивный вид человеческой деятельности, с точки зрения самого террориста, эта деятельность наполнена совершенно определенным, высшим смыслом. Тип поведения террориста-камикадзе особенно нагружен смысловой функцией. Человек, сознательно сформировавший в себе готовность к самопожертвованию, счастлив умереть. При этом он ставит перед собой задачу – отдать свою жизнь и унести на тот свет как можно большее количество людей. Умирая, убить других – такова миссия террориста-смертника. Практически любой террорист убежден, что освобождает других людей от какой-либо опасности: японский камикадзе, исламский шахадем, и ушедший в историю террорист-эсер – все они считают себя спасителями, а не убийцами. Жизнь наполняется для них высоким смыслом, так как они добровольно решились рискнуть своей жизнью во имя революции, Аллаха, избавления неверных от заблуждения.

Однако нельзя сказать, что террористов вовсе не смущает проблема насилия или убийства. Моральная проблема для многих из них решается с помощью самооправдания или с помощью исповеди перед другими людьми, чаще всего перед своими. Когнитивно-эмоциональная составляющая террориста включает в себя три наиболее важных мотивационных фактора.

Первый определяется искренностью и глубиной веры смертника в свое призвание. Сталкивавшиеся на практике с шахедами спецслужбы Израиля обнаружили, что сохранившиеся трупы исламских террористов часто обладают одной интересной особенностью: половые члены этих смертников обмотаны тряпками, поверх которых – проволока [5, с.150]. Такой прием используется как мера предосторожности против непроизвольного семяизвержения от перевозбуждения во время совершения теракта. Сперму смертники берегут для ожидающих девственниц в раю, которые предстанут перед ними в качестве награды за подвиг, что свидетельствует о безудержной вере в Аллаха, в правильность своего выбора.

Второй мотив камикадзе связан с предвосхищением предстоящего удовольствия от выполненной миссии. Так, под письмом террориста-эсера из тюрьмы своим товарищам могли бы подписаться многие современные террористы: «…вы дали мне возможность испытать нравственное удовлетворение, с которым ничто в мире несравнимо. Это удовлетворение заглушило во мне страдания, которые пришлось перенести после взрыва. Едва я пришел в себя после операции, я облегчено вздохнул. Наконец – то все кончено. Я готов был петь и кричать от восторга» [6, с.152-153]. Это при-

знание в переживании удовольствия от экстрима роднит шахадэ, муджахетдина с революционерами – террористами.

Третий мотив связан со стремлением такого человека доказать свою избранность через избавление от чувства страха смерти. Поэтому он стремится изо всех сил доказать эту уникальность, исполняя роль жертвы в самом акте террора.

Общество знает множество идей и способов по преодолению страха смерти, которые выдвигались великими пророками, философами, знаменитыми психологами (Заратустра, Иисус Христос, Сократ, Эпикур, Э. Фромм, В. Франкл и многие другие). Но по-прежнему большинство людей не могут превозмочь свое естественное стремление к самосохранению. Для любого человека этот страх является, пожалуй, главным испытанием в жизни. Но у каждого из нас есть право прожить свою жизнь до конца.

Экзистенциальная метаморфоза смертника, о которой мы ведем здесь речь, происходит в сложной изнурительной борьбе со страхом смерти. В лагерях террористов ставится главная задача – преодолеть инстинктивный страх смерти.

Современный террорист, готовый в любую минуту к смерти, обладающий техническими возможностями для устрашения тысяч и сотен тысяч людей, чувствует себя исключительной личностью, способной изменить ментальные состояния тысяч людей разных стран, этносов, рас, религиозных конфессий. Обладая властью над сотнями тысяч людей в этот момент, террорист достигает гиперкомпенсации своих несбывшихся надежд.

Поскольку без собственной жертвы террористический акт ничем не будет отличаться в глазах других людей от убийства, постольку необходимо принесение себя в жертву. Именно этот факт придает террору другую окраску, исключительно важную для самого террориста. В этом случае он рассчитывает на многократное повышение оценки своей личности, прежде всего, в глазах боевого сообщества и в собственных глазах. Террор для него представляется как личной жертвой, равной подвигу. Поэтому страх смерти замещается компенсацией в виде посмертной памяти о нем как о великом человеке, имя которого террористическая организация превращает в национальный символ.

Кроме того, вопрос жертвы имеет свою цену в глазах мирового сообщества. Нередко национальные лидеры оспаривают мнение о террористах как простых насильниках. Вчерашний аутсайдер превращается в персонажа с мировой известностью. Благодаря СМИ свидетелями его «подвига» становятся тысячи людей и даже все мировое сообщество. Массовый зритель воспринимается таким человеком как некий арбитр, санкционирующий его насильственные злодеяния.

Каждый прожитый террористом день есть подготовка к свершению теракта. У многих из них формируется синдром «Рэмбо» или «Зомби», обусловленный нахождением личности в условиях повышенной хронической боевой готовности, пролонгированной ситуации стресса. Каждые сутки посвящены поддержанию отличной физической и боевой формы. Выработка рефлексов безопасности, звериной пластики, и в то же время готовность в чрезвычайной ситуации принести свою жизнь в жертву отличает идеального боевика от обычного человека. Террорист всегда находится на войне, а боевой конфликт вызывает выброс агрессивных эмоций, имеющий для него огромное значение, похожий на катарсис. Поэтому тяготы военного образа

жизни кажутся совершенно естественными. Наоборот, мирная ситуация, особенно затянувшаяся, вызывает ощущение неуверенности, дискомфорта.

Средой, в которой террорист обретает свою идентичность, является его боевая, террористическая организация или группа членства. Именно в ней будущий камикадзе обретает товарищей, чувствует их поддержку в адаптации, готовность принять его в свое сообщество. Здесь он расстается с одиночеством и апатией. Преданность своей организации, подчинение всем ее требованиям являются священными заповедями террориста. Предательство грозит не только смертью от рук своих боевиков, но перечеркивает весь проделанный путь и надежду на высокую оценку совершенного акта. Камикадзе не видит всего остального мира, точнее, игнорирует его, оставляя только один ракурс своей идентичности – группу членства, будучи абсолютно уверенным, что собственная смерть будет примером для других.

Неприятие такими людьми своей социальности, имеющее нередко в качестве причин одиночество, несостоявшуюся личную судьбу, потерю семьи, соплеменников, отсутствие заработка и жилья, стимулирует такого человека к поиску иных планов жизнетворчества, не связанных с обыденностью и ежедневным кропотливым трудом. Неудовлетворенность наличными условиями бытия, биологическими корнями (например, физическая неполноценность, непривлекательность) служат стимулом для коренного слома своей судьбы, кардинальной переоценки существующих норм. Уход от прежней жизни сопровождается обычно отказом от имущества, привилегий частной, мирной повседневности, готовностью не дорожить жизнью как исключительной ценностью.

Трудности процесса глобализации и модернизации общества могут ограничивать жизненную энергию людей и рождать на свет разрушительные сценарии идентичности. Размышляя о влиянии цивилизационных факторов на выборы смыслов жизни, нельзя не сказать, что исторический процесс всегда интегрировал в себя волны дифференциации и глобализации. Но почему именно в XX веке терроризм приобрел международное значение, а процесс идентификации личности стал носить самоуничтожаемый характер?

Стремление к смертельно острым ощущениям необходимо таким людям постоянно. Можно ли их считать невротическими личностями? Безусловно, да. Но назвать всех террористов психически ненормальными людьми было бы неправильным и поверхностным мнением. Но предположить, что в основе структуры личности смертника лежит базальная тревога, содержащая в своей основе состояние конфликта с миром, с людьми, в котором пребывает эта личность, вполне возможно.

Жизненный путь человека, свернувшего на путь террориста – смертника, превращается в преступный выбор с точки зрения общечеловеческих и религиозных норм. Экспроприируя жизни других людей и оставляя ужас в сердцах свидетелей столь бесчеловечной экспроприации, он редко или никогда не размышляет об истинности своего жизненного выбора. Посягательство на жизнь другого человека – тяжкий грех, как и самоубийство, за неисполненное индивидом предназначение на земле, измену своему уделу, предначертанной свыше судьбе нести свой крест до конца.

Вывод. Проанализированные экзистенциальные практики свидетельствуют о глубоком антропологическом кризисе, утрате плодотворных жизненных смыслов и поведенческих ориентиров. Современная ситуация стала

принципиально иной по сравнению с традиционными обществами, где выбор был не очень велик и развилок крайне мало. В обществе глобального риска возможные альтернативы выбора смысла жизни создают для индивида настоящую стрессовую ситуацию. Сама по себе возможность выбора уже вызывает напряжение, обусловленное размышлениями над последствиями выбора, а свершившийся выбор задает головоломную задачу человеку: правильно ли он поступил, не упустил ли другой, более многообещающий удел? Происходящие сдвиги в сознании индивидов указывают на катастрофические явления в идентификации личности. В современном высокодифференцированном обществе упущенные возможности всегда есть, риск – спутник индивида, напоминающий ему о неиспользованных, упущенных выборах. Стоя один на один перед выбором, и отдав предпочтение какому-то поступку, действию, цели, он всегда рискует, оставляя много других желаний и поступков нереализованными. Его жизненный путь содержит множество точек бифуркации, разветвлений, которые могут никогда не слиться.

Библиографический список

1. Лагутин Д.А. Проблема сохранения индивидуальности в «индивидуализированном обществе» / Д.А. Лагутин //Философия и будущее цивилизации: тез. докл. и выступлений IV Рос. философ. конгресса. – Т.3. – М.: Современные тетради, 2005.
2. Элиас Н. Общество индивидов / Н. Элиас. – М.: Праксис, 2001.
3. Носов Н.А. Виртуальная психология / Н.А. Носов. – М.: Аграф, 2000.
4. Бондаренко Т.А. Трансформация личности в условиях виртуальной реальности / Т.А. Бондаренко. – Ростов н/Д: Издательский центр ДГТУ, 2006.
5. Ольшанский Д.В. Психология терроризма / Д.В. Ольшанский. – СПб: Питер, 2002.
6. Савинков Б. Конь Бледный / Б.Савинков // Избранное. – М.: Московский рабочий, 1990.

Материал поступил в редакцию 03.03.09.

S.N. YAREMENKO

THE TRAPS OF IDENTIFICATION

The article analyses the process of identification as person’s choice of life sensible schemes. Senses and styles of life are represented as key identificative personal characteristics. Special attention is paid to identificative traps what are very actual especially in the society of risks.

ЯРЕМЕНКО Светлана Николаевна, заведующая кафедрой «Философия» ДГТУ, доктор философских наук (1998), профессор (1998). Окончила Ростовский-на-Дону государственный университет (1970).

Область научных интересов: внешние образы человека в культуре, идентичность человека в обществе риска, смысл жизни, философский вопрос психической реальности.
Имеет 40 научных публикаций.

syaremenko@dstu.edu.ru